

УДК 30.304

РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Чиркова

Томский политехнический университет
ГОУ СПО «Беловский педколледж», г. Белово, Кемеровской области
E-mail: Gouspobpk2006@yandex.ru

Аргументируется необходимость формирования информационной культуры как адекватного культурного состояния условиям и специфике информационного общества. Ставится акцент на том, что информационная культура не сводится только к овладению информационными технологиями, но предполагает развитие субъекта в адекватном информационному обществу отношении. Раскрывается её содержание на уровне субъектного овладения умением и способностью к подвижности мышления, неалгоритмичным действиям, риску в управлении, быстрому принятию решения, схватыванию инноваций в различных сферах социальности.

Ключевые слова:

Информационная культура, информационное общество, новая индивидуальность, коммуникативная онтология.

Key words:

Information culture, information society, new identity, communicative ontology.

XX век с его кризисными явлениями в реальной действительности, деконструктивистскими процессами в философии, новыми реалиями культуры дал основание для возникновения принципиально нового типа социального развития. Деконструкция метафизики резонансным образом отозвалась в онтологических конструкциях социальности, которые, утратив власть метафизического начала, приобрели либеральный принцип самоорганизации и нелинейный хаос коммуникативных отношений. Непрерывность движения, постоянство переходов от одного состояния к непредсказуемому другому, непрогнозируемый и калейдоскопический рост информационных потоков, захлёстывающих человека — всё это полагает необходимость переопределения онтологических социальных конструкций. В литературе они получили название коммуникативных [1] или «онтологий» [2] и связываются с динамикой, многовариативностью и альтернативностью путей развития, с риском в выборе открывающихся направлений.

Коммуникативные онтологии вызваны новым фактором развития и его новым механизмом, в качестве которого выступила информация. Информация — это современная форма существования знания. Трансформировавшись в информацию, знание вошло во все структуры социальности, внесло в них существенные дополнения, никогда в прошлом их не характеризовавшие.

Так, в XX в. научное знание в форме информации вместе с тем, что интеллектуализировало все социальные институты, может быть, впервые в истории обнаружило свои технократические установки: классическое понимание науки как априори гуманистической в своём содержании, целевых установках и назначении пошатнулось. В милитаризме, экологическом кризисе, в использовании атома, который не удалось усмирить в мирных целях и т. п. она показала себя далеко не гуманистическим образом. Гуманистические установки, с которыми рождалась научная мысль, идеи освобожде-

ния человека «от слепых, стихийных сил природы» обернулись социальными последствиями, которые встали как проблема выживания. Как и почему научная мысль допустила случившееся, как она работала, если антигуманные факты оказались её следствием?

Эти и подобные вопросы встают ещё более актуально в связи с названным процессом трансформации знания в информацию. В силу специфики знания как информации (оно в этой форме обезличено, представлено знаковым образом и т. п.) создаётся возможность предположить процесс его дальнейшего развития в направлении ещё более быстрой и жёсткой дегуманизации. Именно поэтому встаёт необходимость переосмысления того типа научной культуры, который был характерен для классической традиции. Культура, чтобы быть адекватной информационному типу развития социальности, тоже становится информационной по своему характеру и содержанию. Культура работы в научной сфере — работа с наукой — сегодня трансформируется в информационную культуру.

Статья посвящена выяснению специфики информационной культуры, её содержания, путей её формирования, и трансформациям субъекта, который обязан сегодня ею овладеть.

Поскольку информация как форма знания является инициатором всех изменений в культуре, то именно она и вызывает содержательную специфику информационной культуры. Следовательно, чтобы выявить эту специфику, надо исследовать характер тех эпистемологических процессов, в которых производится и существует современное знание-информация.

Вместе с процессом трансформации знания в информацию возникла новая, не имевшая места в историческом прошлом информационная или компьютерная эпистемология. Информационная культура является ответом на новую форму и новое содержание эпистемологических учений. Каковы характеристики, отличающие компьютерную эпи-

стемологию от классических эпистемологических форм открытия, собирания и хранения знания?

Специфика компьютерной эпистемологии состоит, *во-первых*, в том, что научная истина здесь является себя не только в своём традиционно гносеологическом виде. В форме информации знание входит во все структуры человеческой деятельности, перестаёт характеризовать только познавательный процесс и обуславливает работу самых разных (всех) социокультурных сфер. Компьютерная эпистемология производит истину, которая, если и не теряет гносеологического лица, то вместе с тем приобретает ещё и социокультурное и, если говорить конкретнее, — экономическое значение товара. Информационность придала знанию стоимостной, экономический характер. Приобретение истиной социокультурного значения рассматривается в амбивалентном плане. С одной стороны, знание-информация, проникая во все сферы социальности, интеллектуализирует их, повышает их, казалось бы, гуманистический потенциал. С другой, — товарная форма существования истины воздействует на состояние и развитие фундаментальной науки, которая, имея отсроченный характер результата, не вызывает необходимость повышенного к ней внимания. Научный гуманизм подменяется прагматистским настроением информационного знания, и это, в первую очередь отличает информационную культуру от культуры традиционной, классической.

Во-вторых, компьютерная эпистемология имеет дело с безличностным характером информационного знания. Это противоречит историческому развитию науки, ибо она всегда связывалась с активной работой человека, его активным познавательным отношением к окружающей реальности, либо с конструированием её человеческим разумом. Знание всегда являло себя достоянием субъекта, открывающим его, или его использующим. Как субъектное оно — всегда творческое и живое. Именно поэтому классическая научная культура имела рефлексивное к себе отношение. В форме информации знание приобретает отчуждённое от человека существование. Становясь прерогативой компьютерной эпистемологии, оно обнаруживает себя в «компьютерном конструировании мира». Работа разума подменяется деятельностью интеллектуальных систем, в которых знание-информация становится достоянием человека лишь в опосредованном компьютером виде. Искусственный интеллект приходит на смену человеческому разуму, а компьютерные интеллектуальные системы видят в информации основного конструктора современной реальности. Человек подменяется интеллектуальной системой, а знание, представленное информационной знаковой системой, отделяется от него и существует в безличностной и бессубъектной форме. «Различие между знанием и информацией, — пишет Б.К. Турчевская, — можно представить в виде своеобразной формулы: информация — это знание минус субъект или знание — это информация плюс субъект» [3. С. 26–29].

Главное же (и это — *в-третьих*) в определении специфики информационной культуры состоит в том, что знание в форме информации, будучи связанным со всеми социальными институтами и обеспечивая их работу, воплощается и в личностных характеристиках субъекта. Эта связь касается не только субъекта, непосредственно занимающегося деятельностью по открытию нового знания, то есть не только деятельности учёных, она касается и сотрудников любых других социальных институтов, ибо все они в своей работе в информационном обществе оказываются зависимыми от знания. Появляется субъект, репрезентирующий себя в новых личностных характеристиках — субъект информационной культуры. Каковы его черты? Ответ на этот вопрос явится одновременно и ответом на вопрос о специфике информационной культуры.

Информационная культура вызывает необходимость адекватного себе субъекта и формирует его по собственному образу: такого же динамичного, «локутного» и «многослойного», вынужденного «схватывать» сразу множество реальностей, целевых путей и направлений развития. В современной литературе высказывается позиция, что такой субъект вообще теряет личностные характеристики, перестаёт быть целостной личностью и являет себя в неличностной форме «персоны» или «свободной индивидуальности», базирующейся «на минимуме строгости и максимуме желаний, минимуме принуждения и максимуме понимания...» [4. С. 11, 17, 19]. Российский исследователь проблем постмодернистской культуры Т.Н. Голобородова называет это состояние «плюральной субъективностью» или «многоликим Я» [5], 3. Бауман по аналогии с введённым им понятием «текучая социальность» конструирует понятие «ускользающая субъективность» [6]. Все характеристики и понятия констатируют, что под воздействием информационного общества появился новый культурно-антропологический тип. Характеристики и названные определения нового культурно-антропологического типа в качестве основополагающих моментов указывают на чрезвычайную подвижность, «текучесть», нестабильность и «ускользание», ибо именно они являются адекватными тому постоянству движения, которое свойственно информации и которое проблематизирует личностную стабильность.

Информационная культура субъекта, базируясь на этих характеристиках, может вызвать к себе неоднозначное отношение. Действительно, информационно-виртуальная реальность создаёт возможность и может вызывать необходимость выбора субъектом фиктивных ролей, свободного изменения гендерной принадлежности, невнимания к традиционным ценностям классового, этнического, государственного характера. Всё это в компьютерном общении становится второстепенным, уступает место позициям, характеризующим человека на глобальном уровне, в масштабах мира в целом. Именно поэтому у субъекта информационного общества могут быть поставлены под вопрос

ценности нравственного порядка, уровень культурного развития и т. д. В отличие от субъекта «социально-критического Просвещения» [7. С. 81] современный субъект научной деятельности не имеет одноцелевой установки на «расколдовывание» глубин и тайн мира, на открытие объективной и общезначимой Истины. Такой вывод имеет не только серьёзное обоснование, но и столь же серьёзное значение для определения специфического характера информационной культуры — отличной от культуры эпохи Просвещения. Речь идёт о возможности переориентации научной деятельности современного субъекта с её результата на сам процесс открытия истины.

Действительно, просвещенческая мысль в своём внимании на результате научных поисков была обусловлена спецификой классической науки — её однолинейностью развития, непротиворечивостью (до открытия принципа дополнительности), логичностью, возможностью прогнозирования содержания открываемой истины. Классическая научная культура именно на этих принципах и настаивала. Современные же условия развития науки вызывают перенос акцента в научной деятельности с внимания к её результату на сам процесс научного исследования. Перенос акцентов связан со спецификой развития науки в её современной — информационной — форме. Особое внимание в этом отношении вызывает фактор отчуждённости научного знания, непрогнозируемости результата, когда последний не всегда оказывается гуманистическим по своему содержанию. Поэтому становится особенно важной процессуальная сторона научного познания: его социальный контекст, его цели и возможные последствия, всё то, что связано с процессом и характером работы современной научной мысли. Ибо в безличностной форме существования информации может таиться реальная социальная угроза.

Именно поэтому информационная культура квалифицируется интересом к когнитивным практикам, непосредственно к работе мысли, добывающей научную истину. Процессуальная сторона науки сегодня обеспечивает характер и социальную значимость её результата. Современная информационная культура озабочена его ценностью и гуманистической обеспеченностью в социальном контексте. Она обеспечивает единство развития науки и общества и инициирует эпоху «второго Просвещения» [7], когда наука приобрела иную по сравнению с классической парадигму развития и вы-

шла за границы чистой эпистемологии в социокультурные контексты. Современное научное знание-информация, как и современная научная мысль, является достоянием глобального мира, его политических, экономических, национальных, культурных и т. п.

Таким образом, информационная культура не связывается лишь с овладением субъектом информационными технологиями. Она предполагает высокую субъектную развитость в нравственном и духовном отношении, выполняет социальные функции в быстро изменяющемся мире, организованном на основах коммуникации и самоорганизации. Она обеспечивает социальные контексты коммуникации. Ю. Хабермас по этому поводу свидетельствует: «Вместо того, чтобы полагаться на разум производительных сил, то есть, в конечном счёте, на разум естествознания и техники, я доверяю производительной силе коммуникации» [7. С. 81]. Процессуальность научного знания, существующего в форме информации, вызывает новые характеристики личностной стороны современного субъекта. Это проявляется в новом характере деятельности его сознания, когда необходимо задействование не только «чистого разума», но и прочих по отношению к мысли структур. Разум прививается герменевтически, и одной из главных понятий современной эпистемологии оказывается понимание и эмпатийное переживание. Информационная культура предлагает разуму не схватывать истину в её чистой логике, но переживать процесс познания.

Акценты информационной культуры на процессуальной стороне приобщения к знанию позволяют науке стать основой управления развитием социальных процессов во имя соблюдения интересов как общества, так и отдельного человека. Только в этом случае она становится адекватной информационному обществу, когда знание превратилось в источник и ресурс развития общества. Её конкретное наполнение: умение производить новое знание, раскрывать и задействовать его гуманистический потенциал, овладение когнитивной компетентностью [8. С. 16], способность быстро принимать решения в нестандартных ситуациях, способность к риску, неалгоритмическим действиям, нешаблонному мышлению. Таким образом, информационная культура ориентирует субъекта не только на производство и открытие знания, но и на овладение умением ввести его в культуру — в социокультурный контекст развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации. Ю. Хабермас отвечает на вопросы Ханса-Петера Крюгера // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. — М.: АО «КАМИ», Издат. двор ACADEMIA, 1996. — 245 с.
2. Лехиер В.Л. Феноменология «пере-»: введение в экзистенциальную аналитику переходности. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. — 332 с.
3. Турчевская Б.К. Знание и информация: от тождества к различию // Актуальные проблемы современной философии. — Вып. 4. — Томск: Изд-во ТПУ, 2006. — С. 26–29.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. — СПб.: Владимир Даль, 2001. — 331 с.
5. Голобородова Т.Н. Феномен игры в культуре постмодерна: проблемы философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Барнаул, 2000. — 21 с.
6. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. — 1995. — № 4. — С. 133–154.
7. Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации // Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. Московские лекции и интервью. — М.: АО «КАМИ» Издат. центр «ACADEMIA», 1995. — 245 с.
8. Карпов А.О. Современная теория научного образования: проблемы становления // Вопросы философии. — 2010. — № 5. — С. 10–26.

Поступила 06.10.2011 г.

УДК 123

КОНЦЕПЦИЯ НЕГАТИВНОЙ – ПОЗИТИВНОЙ СВОБОДЫ В ЭСТЕТИКЕ МОДЕРНИЗМА

Л.А. Коробейникова^{1,2}, Э.С. Беликова²

¹Томский политехнический университет

²Томский государственный университет

E-mail: ellina1631@rambler.ru

Проанализирован концепт негативной – позитивной свободы на материале искусства модернизма, что позволило выявить необходимость изучения взаимосвязи двух составляющих сторон свободы, в отличие от их разделения в социальной философии. Показана необходимость исследования диалектики открытости и границ для определения степени свободы субъекта, которым в данном случае выступает художник.

Ключевые слова:

Негативная свобода, позитивная свобода, искусство, модернизм, граница, открытость.

Key words:

Negative freedom, positive freedom, art, modernism, border, openness.

Искусство модернизма традиционно исследовалось с позиций искусствоведческого, теоретико-культурного, реже — культурфилософского подходов, направленных на выявление специфики этого феномена как культурной новации, базирующейся на принципах тотального разрушения предшествующей культуры и ориентированной на создание авангардно нового искусства. В данной статье представлена нетрадиционная интерпретация искусства модернизма в рамках социальной философии с позиции концепции негативной — позитивной свободы, что позволяет открыть новый ракурс в исследовании указанной проблемы.

Обращение к концепту негативной — позитивной свободы в анализе искусства модернизма актуально как практически, так и теоретически. Эта инновация актуализирует представление о границах как о препятствиях, мешающих реализации свободы субъекта, по-разному трактуемых философами, начиная от неразумных порывов (Б. Спиноза [1]) до внешних сознательных условий, в том числе идеологического характера (Э. Фромм [2], И. Берлин [3]). Изучение свободы на таком нетрадиционном для социальной философии материале,

как искусство модернизма, позволяет сделать вывод о том, что граница не является чем-то внешним по отношению к свободе, а выступает ее неотъемлемой частью, так как представления о свободе, неявно присутствующие в многочисленных текстах художников-модернистов (манифестах, личных дневниках, рекомендациях последователям), влияющих на художественную практику, проявились, с одной стороны в утверждении негативной свободы в качестве стремления к тотальной независимости как тотальному отрицанию границ, с другой — в признании позитивной свободы как преобразование общества средствами искусства. При этом сама свобода превратилась в основополагающий ограничитель.

В модернизме наблюдается противоречие между абсолютизацией негативной свободы в эстетике и реализацией позитивной свободы в художественной практике, что также свидетельствует об актуальности предпринятого исследования, направленного на выявление диалектики негативной — позитивной свободы. Предпринятое исследование значимо и за пределами искусства, так как показывает, что традиционное для социальной философии